

СТИХИ

И И И

Сухие осы. Старая кошара.
 Сухие две осы, --- Хусейн с Хасаном, ---
 Халифами не став, лежат в пыли.
 Шмель-Маувия, как во сне кошмарном
 Кружит, жужжит над ними неустанно.
 В окошке куст индийской конопли.
 И онится братьям: байгомбар Али:
 Все видит, распустил чалму и сходит
 Сюда, на двор, усеянный навозом...
 И онижся байгомбару: там, вдали ---
 Два брата. И все трое снятся осам.

Примечание от Редакции: Хусейн и Хасан --- дети первого шиитского имама, двоюродного брата и зятя Мухаммеда, мученически погибшего Али, четвертого халифа Арабского халифата. Маувия, по-видимому, лидер омейядских войск, преследователь убитых братьев. К предполагаемому месту захоронения (Кербела, Ирак) шииты совершают пономничество.

И И И

С. К.

Среди размолвок и непониманья,
 И писем недоверчивых и порьких,
 Почти совсем исчезли очертанья
 Моей любви.
 Среди: полночных оргий
 Тоски о подругой-ностальгией,
 О, сколько раз бледнел лицом!

И разделил, в конце концов,
Весь мир на Я и Остальные.

И ты, моя любовь, осталась
На мной отринутой земле.
Я проходил, а ты копалась
В остывшей письменной золе,

Как сироты на пепелище,
Чумазые от слез и пепла.
Когда б ты даже и запела ---
Никто б тебе не подал, нищей.

И где дыхание мне взять
Еще на 8-10 отрок?
Чтоб все перевернуть я смог
И по-другому дописать.

Со щек твоих стереть платком
Следы недавнего разлада.
Плачь в нашей комнате, потом,
В стихах же, при чужих --- не надо.

Я тебе расскажу эту сказку,
Потому что ты книг не читаешь:
"В Нельском замке опять начинается"
Подоумие птиц свистопляску.

Ведь молчали всю ночь, а поди ж ты ---
Расшумелись теперь по аллее.
После утреннего затишья
Отогрелись и вот --- осмелели.

Этот свист, не похожий на пенье, ---
Перебранка, должно быть, за зерна, ---
Проскакал до старинных ступеней.
И рассыпался, вздорный.

И стоят итальянцы-оумещенно
Перед птичьей тшетой бездомной;
Бенвенуто, ттеславье забыв,
Неожиданно молчалив.

Мир вокруг приумолк на мгновенье,
Шелест солнечных слышен лучай,
Слышен бабочки плеск на плече ---
Глубочайшее оцепененье.

Через миг наважденье исчезнет ---
Тишина долговечных созвучий
Не имеет, да так и чудесней,
Что никто ее песнь не разучит.

И события хлынут славиной.
Бенвенуто клинок обнажит:
Д'Эотурвиль, пусть наш спор поединок
Возле башни сейчас разрешит!.." ---

Улыбнешься: "Зачем в глубь столетий?..
Мне известно и так наперед,
Что борьба непременно к победе,
Хоть одной из сторон, да ведет,

Что решает кинжал или бомба,
Что полцарства дадут за коня,
Что Асканио любит Коломбу,
Как любил ты, когда-то меня.

Что и в нашей вселенной на торном
Утрамбованном жизни пути:
Воробьи все дерутся за зерна,
Что устала я, Боже, прости!"

Примечание Редакции: в тексте от-ния, посвященного адре-
ту предыдущего, "задействованы" герои исторических произведе-
ний Мориса Дрюона.

Смотри, как много листьев нанесло,
Как будто со всего согнало света,
Но, кажется, цветов и форм приметы

Здесь променяли просто на число.

А жаль, ведь краски -- наше ремесло,
Мы время не нашли прошедшим летом,
Сейчас же луч не в силах высечь света --
Что ж, нам с тобой, опять не повезло.

Но в эту пору ветер занесло,
Он сеял смуту и шептал наветы,
И лист на лист пошел, и слой на олой

Слетали сурик, охра, золотой,
И до сих пор слова летали где-то:
"Я напишу, я напишу, все это".

6-ой. МИКРОРАЙОН

Везет -- не везет. На маршрутах всех ужин.
Автобусы стали. Водители курят,
Бросая бычки в потемневшие лужи,
И брови, согласно погоде, нахмурил.

Когда вырубали осенние рожи,
Видать, пожалели ореховый угол,
И грецкий орех, как в плаще заговорщик,
В двух листьях застыл, тишиною напуган.

Идем по аллее мы, явно без дела,
И только вода в арыке бестолково
Толчется. Как рано листва облетела!
Как поздно подыскивать нужное слово.

Сентябрь пролетел. В эту пору признаний:
Мы заняты были подбором цветов
Для великолепного осени зданья,
Живого почти среди блочных домов.

Сентябрь пролетел и, нахохлившись, рыжий:
Колючий кустарник, погрязший давно
В ночных невозможных грехах чернокнижья,
Как сторож унылый, бормочет одно:

Что поздно, что надо бы раньше, к тому же
Короткие дни, предназначены все ж.

Совсем для другого, что во всеоружье
Надежд понимания здесь не найдешь,
Что даже автобусы, там, на конечной,
Поставлены в ряд в номерах-домино,
Что даже не стоит по-детски беспечно,
Наивно твердить, что еще не темно.

Из цикла "Чужая жизнь"

* * *

Уехал я, и в клетке кенар
Остался вроде часового,
Чтобы тоски фальшивый тенор
В дом не проник к тебе ни словом.

Спокойно в кресле: чтоб вязала
И уделяла время книгам,
Он на окне гудки о вокзала
Отпугивал веселым криком.

Визг тормозов и ветра свисты
Слагали песнь, перебивая
Друг друга, и осенний одиток
Дописывала ветвь кривая;

Последний лист дрожал за место,
И ночь искала теплый угол.
Я обещал перед отъездом
На Новый год вернуть пичугу.

Ее степям, прогнать тревогу,
Засевшую в дагерротипах
Прабабкиных, где понемногу
Весь этот век копидись всхлипы.

Но разве знал я, что иная
Была судьба и мне, и птице:
Я не пришел, пичуга злая
С утра о хозяйкою бранится.

Из писем (5)

* * *

Как будто отрезало море
Песчаного мира кусок,
И письма приходят нескоро,
И сон между ними глубок.

Должно быть за тридцать разных
Земель ты мне машешь рукой,
Кричишь, только это напрасно --
Слова заглушает прибой.

А письма приходят исправно,
С задержкой, но наверняка,
Мне кажется, этим романом
Почтовым я занят века.

Читаю, пишу и все чаще
Пейзаж отличить не могу
От этих страниц шелестящих,
Где буквы, как волны, бегут.

Читаю, пишу и порою
Сам верю в нелепый обман,
Что живы не мы, а герои,
Вшедшие в этот роман.

Они за три года две жизни
Прожили почти что с пелен,
И в этой почтовой отчизне
В нее он безумно влюблен.

И страшно подумать, что с ними
Случится, когда карантин
Судьба подобревшая снимет
И письма писать прекратим.

Мы счастливы будем, конечно,
Нам будет дорога легка.
А двое в шкатулке хромешной,
Закрывшись, уснут на века.

ПОЭЗИЯ

В мифологических картинках
Годам к пяти явился Кун,
С пренебреженьем к пустяку,
С огромным миром без пылинки.

Врезались в память поединки:
И лошади на всем окаку,
Но я припомнить не могу
Земли в неуловимой дымке.

Я по квадратам рисовал
Венеры правильный овал
И торе рельефный исполина,

Но так не верил, как словам
"Гусей крикливый караван", --
Хотя они летают клином,

ЖИВОПИСЬ

Ты примостилась у окна и грустно
Водила пальцем по стеклу, за ним
Мелькали фонари, и их огни
Сливались позади в сплошное русло.

Ты не заметила, как вдруг возник
На запотевшем из бжестьем туокло
Простом стекле по правилам искусства
Твоей печали: призрачный двойник.

И с каждым жестом: делался смелей
Набор фигур простейших на стекле,
И руки, словно руки дирижера,

Уже парили смело над окном,
Струились краски сватом и теплом.
А кисть и краски подвернутся скоро.

Э Д В А Р Д Х О П П Е Р

I. Бензин 1940

Три: ярко-красные бензоколонки
И вывеска с конем летящим,
И человек, почти ненастоящий,
Такой он: маленький, неловкий.

С песком стоящий с края ящик
И дом, побеленный прилежно,
Дорога, уходящая неспешно,
И час, кончатся не спешащий,

Лес, пожирающий дорогу,
Трава, ожигающая лес,
И неба нестерпимый вес,
Висящего неподалеку.

Но человек не замечает вес,
В картину плотно упакован,
Он: тянется рукою снова
К бензоколонке. Лака блеск

Его слепит, а леса гул
Его подталкивает в спину:
Прижаться к дому, влезть в картину,
В музей: спрятаться в углу.

2. Восточный ветер над Уихоукеном

Какое: все ж разнообразье стилей!
Кордовы: знойной отголоски,
Благочестивые: строения Киля
И Рима: пышные обноски.

Квадратным горизонтом обступили:
Дома пустынный перекресток.
Будь в этом городе: хоть кроха пыли
Бе бы: вымел ветер: хлопкий.

Он: вымел даже: времени приметы,
Те: самые, которых нет: ясной ---
Людей, все: оказавших: своей одеждой.

Они вымел бы, и не было надежды,
Когда бы не придумал кто-то, где-то,
Такой: неизбежности --- фонарей!

М У Н К

Писал пейзаж и на холсте
Являлся мир совсем иначе
Устроенный, чем настоящий,
Тот, за окном, а между тем
Во всем я следовал природе:

Расположение ветвей,
Пятно травы; разводы неба
И даже ожиданье снега,
Обычное для ноябрей, ---
Все на местах и точно вроде:

Написано, но не дает
Покоя верхний левый угол;
Где над четкой оельюких пугал
Вдруг появился самолет.

Мелькнув, исчез через мгновенье;
Но в замешательстве рука
Остановилась --- только пенье
Могучей птицы в облаках
Уже не достижимой глазом.

Когда б картина была шире
Пейзажа, и когда бы в мире,
Привычно оделанном из красок,
Еще и появился звук!
Так рубят под собор оук.
И, как вулкан, в тот день, быть может,
Вот так и пробудился Мунк,
Звучаньем: мира потревожен.

А Н Р И , Р У С С О

1 - I

Большой Энциклопедии десяток строк,
И две картины в стареньком альбоме,
Но я отчетливо запомнил
Растений пышных буйный ток.

Здесь в красках звонких звуки вязнут,
И ягуар неслышно лошадь пожирает,
Здесь странная жирафа
Стоит под странным вязом.

Художник-самоучка; казалось, детской ручкой
Водил ты по холстам,
А там

Роили цветы до неба,
Явив невиданный узор,
Сплетались чудо-стебли.
Рисуй, Руссо!

2

Да, не пиши. --- рисуй, ведь ты дитя.
Вот --- дирижабль и первый самолет
На нас чуть удивленные глядят,
И мы на них глядим; и вот

Они над озером летят,
Как будто дышат на прогулке,
И, ленты воздуха сплетая,
Трава мясистая, как руки.

Стоит, чуть машет чудным птицам,
И как же тут не удивиться,
Не самолету; а траве
И солнцу в синей вышине?!

Этот сад — ?

Еще одну я видел, там художник
Поэта с Музой изобразил.
Свежо, наверное, шел дождик
И — кончился, проморосил.

Они, за руки взявшись дружно,
Стоят. Цветущий сад вокруг.
Прикосновение только рук,
И больше ничего: не нужно.

Все то же буйство красок, как под током,
Деревья вверх, цветы — плаксивы.
Все то же буйство красок, только
Поэт и Муза — некрасивы.

Да что там некрасивые! — Уроды.
Грубы их лица и землисты.
Великолепная отлит погода,
Отдельно! виден каждый листик.

Гротеск? сатира? — Что же еще?!
Они бездарны и глупы.
Природа, краски — все не в очет.

Как безмятежны эти дубы!

Я зарче пригляжусь — увижу;
То безмятежность после горя.
Я зарче пригляжусь, и вскоре
Они мне станут ближе.

Да: что там — ближе! Просто я
Стою в саду и: — пусто в голове.
Я точно так в саду стоял
По пояс в пахнущей траве.

Ах, Муза, я тебя узнал.
С тобой входили в этот сад,
Как будто бы в старинный зал,
И: не оглядываясь назад,

Мы шли вглубь сада не спеша.
Ты некрасива? --- Ты прекрасна!
Укор бессилию карандаша.
Художник, бездарь своевластный;

Ты посмотри, как руки тонки,
Как губы гладки и теплы.
Стоят деревья, как под током,
Весомы листья, как плоды.

Художник грустно улыбнется.
Его горячность не задела:
"Они расстанутся, что делать!
Разлука --- боль, а боль --- уродство".

Они вдвоем, они, в разладе.
Она его и не его.
Она пройдет нелепый садик,
Оставив это существо
В нелепом фраке на природе,
Где липой пальма обернется
От слов последних: "Не пригоден!"
Заплачет или засмеется?

Они испугается. Она вернется.

Прим. от Ред.: Текст "Анри Руссо" отпечатан по изданию
"Майя-1", 1980 г., из поэмы Ю.Б. "Путешествие из Фрунзе в
Ленинград". В одной из поздних редакций подглавка 3 начина-
ется строфой:

Я допишу твои картины сам.
Я мало видел их, хотя пытался,
Но яд картин в меня уже пробрался.
Желанье верить чудесам:

СУМАСШЕДШИЙ

Делишь куда-то птицу
и самоубийцей
бледный свет на карнизах
тьма поднимается снизу

Вот уже день по прояс-
ночь заосала и
что-то бормочущий поезд
как в забытьи
мимо поспешно куда-то
по направленью к закату

Эта окраина скоро
станет пристанищем ночи
краски охвачены мором
гибнут растения в корчах

Что там за звук какикота
вот перешед на бас
из-за шлагбаума кто-то
лампочкой тычет в глаза

С визгом взорвалась. Темно как!
Где-то вверху голоса
Дальше. Все дальше. Далёко...
Тянут из под колес

ЛИЛИЯ

Отчего так лилия бледна?
От избытка ветра, воли, влаги?
Или просто — красок не нашлось?

Я пишу на клетчатой бумаге
Все, что, к сожаленью, не сбылось.

В двух вершках от илитого дна,
В двух верстах от неба голубого,
Может надо ей чего другого?
Отчего так лилия бледна?

Среди буйства красок, среди буйства
Форм мохнатых пышных георгинов,
Постепенно притупляясь, чувства,
Может быть, и вовсе сгинут.

В летний день душа, как наркоманка,
Будет плакать и просить: Цветастей!

И в ушах останется комарик
От бетховенской угрюмой страсти.

Сказка, помнится, была близка мне:
Женщина мечтала о тепле,
И ледышками отогревала камни.
Ничего не понял Лель.

Лель-дурак горланил во все горло
Трелей в голосе не, очесть!
Посмотри, как стало голо,
Хоть и солнце есть,
Неужели он воегда таким был?
Неужели в голове (его
Лишь цветы да радужные нимбы,
Больше --- ничего?'

Как болел я в детстве за Снегурочку!
Как рука 'переписать' дтянулась...
Среди солнечных широких улиц
Теневая наша улочка:
Серенькой дорожкой за город
К заводу пустынной подотупала,
Как поров подотупает к горлу...
Впрочем, слов тогда мне не хватало.

Я смотрел на воду изумленно,
Слышал шепот сочного листа,
Тоже удивленный и влюбленный:
Отчего так лилия чиста?!

УЛИЦА ДЕТСТВА

Штакетник на часах у запустенья
Не скроет вою неяршливость домов.
Куда уж, деревенским, нам до мод!
Кродотвуют облупленные стены.

А побывать хотелось непременно.
Конечно, если б знала наперед,
Что время улицу перечеркнет,
Не прибегая даже к переменам...

Колонка эта — несомненно та,
 Сестра успеет крикнуть лишь: "Ната!.."
 И, выгнувшись, вдруг бросится бежать,
 Победно разнося веселый визг,
 Почти исчезнув в мириаде рычаг...
 Но ты боишься на рычаг нажать.

Три фарфоровые фигурки
 Подарил тебе в день рожденья.
 Через год подарил тебе даму —
 На плече у нее попугай...

А когда тебе будет 70,
 Пантеон твоих ларь фарфоровых
 Увеличится так, что можно
 Будет пьесу любую сыграть.

Пододвинешь бидяшув боком
 И другому уж ножку кажет.
 Тот же, первый, старик взбешен и
 Может так в сердцах возроптать!

Эй, старик, ну причем здесь девица?
 Боги, люди — никто не в ответе.
 Просто пьеса сегодня такая —
 Завтра будешь играть в другой.

Только это спасет от страха
 Перед смертью и оправдает
 Жизнь любую и смерть любую —
 Нужно роли свои играть.

Вот и все о свободе воли.

Скорее нам уходить со сцены,
 Улыбнемся мы и заплачем,
 И обнимем крепче о тобой.
 А китайский цветной болванчик
 Поканает пустой головой.

А тебя в стихах все меньше,
Больше — горечи моей,
На стене живет умнейший
Одноглазый Бармалей.

Он-то знает что о еоть очастье,
Корчит рожи день-деньской:
И смеется часто-часто
Над старухю Тоской.

Ну а ты в чепце старинном:
Недовольный косит взгляд,
Не сдержавшись: "Дурачина!" —
Важно шамкнет и тотчас

Вздох за вздохом, вздох за вздохом —
Словно крестится опеша —
Помутневшим глянет оком:
На тебя, моя душа.

Ну а ты, как и ведется,
Птицей легкой на стене
Под аляповатым солнцем
От картинок в стороне

Мчишь не к Солнцу и не к звездам,
И не к сказкам о добре —
В край, где овежая известка
Прерывает этот бред.

ДЕСЯТИЛЕТИЕ:

I

Сегодня, 10-го февраля, падает влажный снег.
Так деловито, поспешно, почти без круженья.
Крона аллеи над нами, как Ноев ковчег,
Только пустой, потерпевший крушение.

Сегодня, 10-го февраля, — который раз
о сотворения вод!
— Падает снег в этом месте
на этой планете.

Рухнет снежинка, лишившись оков
 Выших стихий, и сама не заметит,
 Как растворится... Снег, отрет письма,
 Оттепелью в позавчерашнем добытые снеге.
 Воех этих веточек, листиков-букв имена,
 Снег занесет до последней омеги.

Будут ли новые? Старые выйдут,
 Кто-то за выдумку выдаст свое
 То, что от тобой потеряли из виду
 В этом пустынном "аб ово" краю.
 Будут ли?.. Будут всегда грамотеи,
 И, допотопность на чувствуя отрок,
 Будут читать письма на аллее
 И от себя им оточитывать срок.

2
 Дай-ка мне руку. Ступай-ка подтверже.
 Пусть под ногой печальнейший звук
 Хрустнет до неба, и птицы тревожным
 Криком о жизни напомнят нам вдруг.

Нам-то казалось, а вон, — погляди-ка, —
 Из под снегов пробивается лиот
 Желтый, набойчивый, как повилика
 Цепкий, до олеза, оловно-детский каприз.

3
 Конец аллеи, перед нами
 Неузнаваемый, стоит
 Наш город с нашими домами,
 Но у него дела свои.

Жизнь копошится по квартирам,
 У телевизоров и плит,
 И в свете воскресных стирок
 Смеется, плачет и болит.

Нам: отдай нам распоряжение,
 Все два проспекта и на миг,
 Зима, как будто бы в оражены,
 К нам обращает грозный лик.

Через мгновение, набуянив,
Запнулась, стихла и сейчас
В припадке позднем раскаянья
Валется в ногах у нас!
Дома и снег, снег и деревья
Двух-трех подробностей пейзаж,
Как будто бы о японокких древних
Картина явился город наш.
Но снег так чист и свеж настолько,
Что не поверив в плагиат,
Как в первый раз, не зная толком,
Бредем куда-то наугад!

4

Пусть память уберет снега на время,
На каждой улице и в доме каждом
Царит свое, когда-то мной замеченное время.
Мне помнится, что 10 лет назад,
Когда вот этот день еще не превратился в дату,
Снег не лежал. Изменчивое Солнце
Настолько заморочило мне голову, что я
В плаще из дома вышел, шапку не надев.
Оно же, как проказница, исчезло,
И пал на расстоянье 10-ти шагов туман,
Дома, как мамонты, огуляясь, надвигались,
И провода голосовых их связок
Гудели мерно в такт их приближенью,
И неизвестно, чем кончались.
Стволы, недавно вроде бы посаженных деревьев.
Пусть память уберет туман на время,
На каждой улице и в доме каждом
Царит свое, когда-то мной замеченное время.
Так вот, туман рассеялся за два микрорайона;
Так вот, у входа в край особняков...
Но о этого мгновенья
Ты и сама все помнишь. Пусть отныне
Царит свое, замеченное нами время.

И помчался дальше
 Через нашу крышу,
 Жесточайшим кашлем
 Надорвал афишу.

Он летел по свету:
 Самый-самый сильный!
 В час послерассветный,
 Предавтомобильный.

Из Трилистника безумия

КРАХ (I)

Очнись, Пилат! Прошла твоя мигрень.
 В твоих руках ведь праздничная льгота.
 Марк Крысобой покрылся липким потом,
 Гляди, — ему бичом работать лень.

Марк Крысобой с мозгами набекрень,
 Считавший крысами свирепых готов;
 Он — флюгер божий, по челу забота
 Ползет, как по Голгофе тучи тень.

Читайте ж по нему: уже близки
 Для не поверивших расплаты сроки,
 Кляните в Рим ведущие дороги.

Как дохлая волчица вверх соски,
 Соборы в небо устремили шпильи.
 Урча, проносятся автомобили.

ЛЮБОВЬ

Что же, в конце концов, случилось с любовью?
 Сонное море у изголовья,
 Если олегка приоткрыть занавеску,
 Серым, недужным, овинцовым в отместку
 Глянет. За что — ты и сам удивлен,
 Чайка кричит далеко, как оквозь сон.
 Хочется шире окно приоткрыть,
 Хочется выйти овоем из игры —

‘Так ушипнуть себя, чтобы проснуться,
Ч т о в темной комнате кошку, Конфуций,
Если при овете найти не дано
То ли себя, то ли жизнь, то ли, может,
То, что всех глупостей этих дороже ---
Что-то забнтре где-то давно.

Фрагменты поэмы: В Р Е М Я

.....
.....
.....(Ча о т ь I, I).....

В тот год явление осени во всей
Ее угрюмости, дождях, печали,
Как объявление на первой подосе,
Заранее: сентябрь печатал.

Итак, декада: первая дождей
В нао родила тоску по не успевшим
Еще уйти теплу и зелени ветвей,
По птицам приумолкшим певчим.

Но главное, конечно, --- по теплу,
И это нас сближало постепенно.
Ладонь с ладонью. Дождь шел по стеклу
И свет рассеивал по стенам.

Дождь с нао омывал все летние дела.
Мы каждый день друг другу удивлялись:
"Вчера она такор не была",
"Таким он не был". Лето удалялось.

И целый мир, как лето, улетал.
И мы с тобой рождались из дождя.
Он мутностьь овоео промывал
Нам лики, постепенно уходя.

Мир снова с Солнцем! Старый же -- угас,
 О чем тогда писалось по газетам,
 Что, как всегда, сошло на нас
 Антициклоном бабье лето.

Стоит сентябрь, светлее чем хрусталь.
 И вечность делятся наши две недели,
 А Дня и Ночи плавные качели.
 Взлетают, не показывая даль.

А там, вдали... Но впрочем, мы о том:
 Не думали, как пчелы, на мгновенье
 Случайным вдруг разбужены лучом,
 Мы жили тихо, и хитросплетенья

Погодных карт не трогали ничуть
 Наш недалекий ум. Мы не гадали:
 О жизни по неверному лучу
 И не заглядывали в дали.

..... (Часть II, I).....

Цветы слепые тычут в брюхо туч головки --
 Голодные -- уже полдня оветает.
 Листва летит, как слаломщики, ловко
 Незримые преграды огибая.

И, по привычке, -- справа два пруда.
 И третий пруд привычно за бугром.
 Я этот пруд не видел никогда,
 Но будет время. Обязательно... потом...

Я пошутил, что "в брюхо туч головки",
 Но в голову что только не придет,
 Когда идешь от дома к остановке
 Трехсотый раз за этот год!

Седает небо: и дубы лысеют,
 Как у дедов, разбаловались дети.
 А утром желуди еще висели.
 И было веселей на божьем свете.

Экспедиция в начале октября! --

Конечно же обежать! На остановке
Уже десяток: дикарят
Сошлись в веселой потасовке.

Три девочки три веточки выносят,
Степенно рассуждая об артисте.
Они втроем, как маленькая осень,
Опустошили сад на десять листьев.

Учительница, потеряв детей,
Уже через минуту у дороги.
Она для них сейчас злодей,
Прервавший праздник их недолгий.

Пусть будет так; пусть будет так!
Она подходит, чуть не плачет,
В руке ее, как тайный знак,
Улитки маленький калачик.

Вот-вот прорвется оолнце. Из-за туч
Неровный свет неровных пятен.
Стал голос Нины Алексеевны тягуч,
А нежный профиль мягок и невнятен.

Вдруг ----треск и солнце залило
Весь этот мир, весь морок этой сцены.
Мне в жизни очень часто не везло,
Но я надеялся на перемены.

Когда на что: на "чёртичё",
На "все меняется, течет",
На друга, на жену, на брата,
На то, что Дождь.
Идет.
Обратно ---

От школьницы когда-нибудь уолышу,
Пусть не на Фудзи, так на крышу
Я заберусь, рукой махну, да так,
что после
Я руки разучусь сжимать в кулак,
А тот, кто нужен, будет возле.

Три девочки три веточки уносят.

Поставят в вазу или бросят? ..

Одна небрежной рукой
Сорвет листок, за ним -- другой:
Очистит веточку другая --
Мальчишку рядом ототегает.

Добро и зло, добро и зло.
Везло мне с вами -- не везло.
Куда же третью занесло?

На третий пруд, наверное, куда
Из первых двух бежит вода,
Где отогревшая скамья.
На третий пруд, наверное, где я
Ее нашел бы без труда.

И до сих пор горит еще
От ветки правое плечо,
А взгляд мой падает с листом,
Не ищет руку оборвавшую.
Не будет времени потом!
Да и сегодня -- все пропавшее --
Воистину пропало: третий пруд
Не существует, там -- дорога.
Все шире, шире, понемногу
Покроется асфальтом и потом:
Уткнется в чей-то частный дым.

.....
.....
.....
.....
..... (Часть III, 2,3):.....

С перевала опускаюсь в ущелье, а ливень,
Словно школьник безмозглый, тропу накатал.
Я руками взмахнул, как убит наповал,
И -- лежу, подо мной красноватая глина.

А на красном шиповнике капли повисли.
Из меня, словно дождь, испаряются мысли.
Мой покой охраняют по этой тропе

Красногрудый шиповник и желтый репей.

Тишина. Никого. Ни меня. Только шум.

От ущелья. Внизу --- валуны и река.

Тишина. Никого. Прямо в глине лежу.

Хорошо или плохо? --- Никак.

Хороша ли рябина? Ужасна ли глина?

Дождь --- хорош или плох? Никакой! Никакой!

Лучше: лазом; червиным; подлетом; орлиным.

Или: глиняной, скользкой, вот этой, тропой?

Я куплю чемодан, я почищу пальто.

Ровно в срок, ровно в срок доведут поезда.

Самолетом: быстрее, но дороже. зато,

И зачем, если даже не знаешь. --- куда?

Суета скоростей нас приводит к понятию Конца.

На часы, на секунды расчлененная Вечность

Нас приводит к тому же. Зачем мы сердца

Превратили в хронометры?! Лишь --- Быстротечность

Плод единственный их горьковато-зеленый

Смотрит в землю сырую из первых пеленок,

Но спокойно, как будто от века до века,

Словно маятник, ходит шиповника ветка,

А на ветке шиповной плоды все одни ---

Сотни лет! --- словно Феникс осенних пожаров.

Потому и воскреснут весной, пожалуй,

Что воскреснут, воскреснут все же не они.

Ну а я --- это я. Не воскресну, --- проснусь.

А проснувшись --- впитать всеми порами стены,

Их цемент и простуженный, сдавленный пульс

Кубатурной моей: одинокой вселенной.

Эта шуба бетонная с прорезью решки,
 За Луну и за Солнце — коридорная лампа.
 День сползает на запад, почти догоревший,
 Зацепившись за жалюзи красною лапой.

Вот и кончился день. Что же было-то днем?
 Кто в мой череп его, как в копилку, уложит?
 Утро, вечер, проверка, обед и подъем.
 Я молил, чтобы каждый быстрее был прожит.

Я для этого, знаешь, стихи и писал
 Про леса первозданной Америки сочные.
 Я для этого, знаешь, тебя и искал
 По углам моей памяти этой ночью.

Память, лодочка-память! в стремнине времени!
 Выноси, выноси, к берегам: поплывем.
 Над водой, вместо чаек, кружит воронье,
 Как над падалью; кружит над прожитым днем!

И уже над кормом воронкой — уже
 Долбят клювами чели и кричат, как в парламенте...
 Но взметнулась душа в небо отаей стрижей
 Над рекою забвенья, как парусом памяти.

(Э п и л о г).....

Где преклонить кочующий мой дух?
 Роскошный парк, безопасный, летний,
 Ах, только здесь узнал я что есть слух —
 В простом разборе птичьей сплетни!

Где преклонить колени? Парк осенний,
 Вверху цветной, внизу совсем прозрачен,
 Ах, только здесь я понял, что я зрячий,
 Когда травинки разбирал сплетенье!

Где преклонить колени, дух и с яими
 Все майю, маету, тцету земную?
 Как этот парк меня морозил зимний!
 Я через боль узнал, что существую.

Боль, зренье, слух и все другие чувства

Парк выявлял во мне, скрипя, как колыбель.
Здесь, на исходе дня, однажды я очнулся.
Стояла у пруда готическая ель.

А дальше: — дуба пыльное барокко
И где-то там, над головой, высоко,
К нам занесенные издалека,
Ампирно проплывали: в облака.....

Д н е ш е с к о е

УРОК СТИХОСЛОЖЕНИЯ

Ну; что ж, давайте нарисуем
Снег на исходе января,
Глухую полночь, мастерскую,
Где окна до утра горят.

Войдем и оглядимся: стулья
И старый стол, камин, и мы
Сидим: втроем, тепло ссутулясь
Над описанием зимы.

С О Н

В комнату двумя носильщиками,
Вошли сумерки
И начали выносить мои вещи:
Сначала мелкие,
Потом: — крупнее.
Постепенно унесли меня....

Стихи: --- из жизни взятые примеры.

Поставят в вазу или бросят?

Одна небрежною рукой

Сорвет листок, за ним -- другой.

Очистит веточку другая --

Мальчишку рядом отстегает.

Добро и зло, добро и зло.

Везло мне о вами -- не везло.

Куда же третью занесло?

На третий пруд, наверное, куда

Из первых двух бежит вода,

Где отсыревшая скамья.

На третий пруд, наверное, где я

Ее нашел бы без труда.

И до сих пор горит еще

От ветки правое плечо,

А взгляд мой падает с листом,

Не ищет руку оборвавшую.

Не будет времени потом!

Да и сегодня -- все пропавшее

Воистину пропало: третий пруд

Не существует, там -- дорога.

Все шире, шире, понемногу

Покроется асфальтом: и потом:

Уткнется в чей-то частный дом.

.....

.....

.....

.....

..... (Часть III, 2,3).....

С перевала спускаюсь в ущелье, а ливень,

Словно школьник безмозглый, тропу накатал.

Я руками взмахнул, как убит наповал,

И -- лежу, подо мной красноватая глина.

А на красном шиповнике капли повисли.

Из меня, словно дождь, испаряются мысли.

Мой покой охраняют по этой тропе

Красногрудый шиповник и желтый репей.

Тишина. Никого. Ни меня. Только шум,

От ущелья. Внизу — валуны и река.

Тишина. Никого. Прямо в глина лежу.

Хорошо или плохо? — Никак.

Хороша ли рябина? Ужасна ли глина?

Дождь — хорош или плох? Никакой! Никакой!

Лучше лазом червинным, полетом орлиным

Или глиняной, скользкой, вот этой, тропой?

Я куплю чемодан, я почишу пальто.

Ровно в орок, ровно в срок довезут поезда.

Самолетом быстрее, но дорожн зато,

И зачем, если даже не знаешь — куда?

Суета окороостей нас приводит к понятию Конца.

На часы, на секунды расчлененная Вечность

Нас приводит к тому же. Зачем мы оердца

Превратили в хронометры?! Лишь — Быстротечность —

Плод единственный их горьковато-зеленый

Смотрит в землю сырую из первых пеленок,

Но спокойно, как будто от века до века,

Словно маятник, ходит шиповника ветка,

А на ветке шиповной плоды все одни —

Сотни лет! — словно Феникс осенних пожаров.

Потому и воскреснут весной, пожалуй,

Что воскреснут, воскреснут совсем не они.

Ну а я — это я. Не воскресну, — проснуюсь.

А проснувшись — впитать всеми порами стены,

Их цемент и простуженный, сдавленный пульс

Кубатурной, моей одинокой вселенной.

Куда-то сносило, куда-то несло,
Забьты друзья и родные,
И старый мой мир предназначен на слом.
Мы вместе, мы вместе отныне!

Но — что я? При чем — я? Но все же кружись
Моя голова веселей!
"Однажды в ненастье двое чужих:
И мне незнакомых людей..."

О Л У Н Е...

Твое широкое лицо
Так недоступно высоко!
"Тебя не видеть — быть слепцом!" —
Я бы издал такой закон.

Но я не шах и не Аллах,
Когда начнешь ты вдруг худеть,
Бессильны будут на губах
Слова — недуг не одолеть.

Ну, а пока, дошло до нас,
Разнообразнейших историй.
Узнаем много, если глаз
С твоим приходом не закроем.

На джерганаке завиток —
Весь день была колбчка,
Но ты — все дальше на восток
Или на запад тучка.

Не уходи! Я не пойму.
Мне пишут эти сказки
Луна и ветки. На полу
Иероглиф китайский.

* * *

Неплохая погода, хоть на день

Озари мне осенний пейзаж, —
 Чтоб, как зал, оказался громаден
 День, любивший простый карандаш,
 Чтоб цвета проявились, чтоб небо
 Голубело хотя бы чуть-чуть,
 Чтоб из серого желтым стал стебель —
 Был подобен живому лучу,
 Чтобны вопыхнула' ярко рябина,
 Чтобны краски легли тяжело,
 Чтоб в глазах хоть мгновенье рябило
 И — погасло, пропало, прошло.

ВЕТЕР

Встрепенется, вздохнет, как астматик задыхит.
 Опустеет кругом. Вот и сад мой пустой.
 Корабли в океане, в Японии — крыши...
 Но и я не считал муравьев под пятой.

А под вечер пресытится злою игрой,
 По деревьям проверит прозрачных пленцов.
 Я откром окно, ветер дверь приоткроет
 И уткнет в мои ноги пустое лицо.

Разметал бы колоду неожиданно, непрошено:
 И разбил бы хрусталь — я готов все сферпеть.
 Воей посудой плачу! — нагадай мне хорошего,
 Но не слишком, а то не поверю тебе.

Пробежит по журналам, листнет Майн Рида.
 Третий день Оцеола бросает свой нож.
 Третий день эта книга, и квартира открыта,
 Третьи сутки, как ты никогда не придешь.

НОВЫЙ ГОД

I

...И, как положено зимой,
 Дул непрестанно норд-норд-ост,
 Колючий онег, как туча ос,
 Дужжал озирепю, мчась за мной.

Он не ложился -- бушевал!
И заметал притихший город,
Катил прохожим он на горе
За валом вал, за валом вал.

Но дверь за мной затворена.
Тепло. И в полумрак прихожей
Вливалась, как бы осторожно,
Музыки плавная река.

Казалось в зале, в минует одетый воздух
Струился плавно и легко,
Лизали языки норд-оста
Там, за окном, холодное стекло.

2

Был старомоден Новый год,
Парил меж хвои и свечей,
Не отличался он ничем
От пра-пра-предка своего.

Часы "так-тик" катили вопять,
Туда, где ели и сочельник,
Седой огромный добрый мельник
Орехи дарит мне опять.

И в коридор входил, грызя
Орехи, тут же -- ежегодно -- ахал:
Как будто бы прошла гроза --
Здесь, как озоном, елью пахло.

И в комнату бежал и видел --
В углу стыдливо жалась ель,
Я удивлялся, рад был ей,
Бежал к своей соседке Лиде

И за руку ее тащил,
А папа пел: "Постой, ящик".

=====

=====

====

==

==